

4. Джеффри Робертс. Сталинская война: 1939—1953. = Geoffrey Roberts. Stalin's Wars : From World War to Cold War, 1939—1953, 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://tms.ystu.ru/stalin_pobeda-2007.htm (дата обращения 5.09.2018).
5. Замулин В. Н. Горькая правда о Прохоровке: величайшее танковое сражение или танковое побоище. М. : Эксмо : Яуза, 2013. 784 с.
6. Золотарев В. А. Курская битва: взгляд через полвека // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 279—280.
7. Карл-Хайнц Фризер. Победа СССР на Курской дуге — миф [Электронный ресурс]. URL: <https://nktv1tl.livejournal.com/4877563.html> (дата обращения 9.09.2018).
8. Козлов Н. Д. Великая Отечественная война: свидетельства и оценки участников. СПб. : Издат.-полиграф. комплекс «Гангут», 2015. 544 с.
9. Курская битва. Огненная дуга. 1943 / ред. И. А. Маневич. М., 2013.
10. Малышева Е. М. На пути к Победе: оценка Курской битвы через 75 лет // История Курской битвы: проблемы и перспективы исследования и сохранения памяти : сб. науч. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Курской битве, 14—15 мая 2018 г., г. Курск / ред. кол.: В. В. Коровин (гл. ред.) [и др.]. Курск : Университетская книга, 2018.
11. Малышева Е. М. Патриотизм и память о войне как аксиологическая основа интегрирующих ценностей возрождения России // Патриотизм как идеология возрождения России : сб. ст. и докл. / отв. ред. Т. С. Гузенкова. М. : РИСИ, 2014. С. 89—105.
12. Норман Дэвис. Европа сражается. 1939—1945. Не столь простая победа. Макмиллан, 2006. = Norman Davies. Europe at War 1939—1945: No Simple Victory, 2006.
13. Правительство Российской Федерации. Постановление от 30 декабря 2015 г. № 1493. «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016—2020 годы”». [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102388353&intelsearch=%EF%EE%F1%F2%E0%ED%E%E2%EB%E5%ED%E8%E5+%EF%F0%E0%E2%E8%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%E0+%EE%F2+30.12.2015+%B9+1493>.
14. Хисамутдинова Р. Р. Помощь жителей Южного Урала в восстановлении Курской области в ходе Великой Отечественной войны // История Курской битвы: проблемы и перспективы исследования и сохранения памяти : сб. науч. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Курской битве, 14—15 мая 2018 г., г. Курск / ред. кол.: В. В. Коровин (гл. ред.) [и др.]. Курск : Университетская книга, 2018.
15. Шаповалов Б. Кто и зачем пытается переписать историю и итоги Великой Отечественной войны? [Электронный ресурс]. URL: <http://aif.md/kto-i-zachem-pytaetsya-perepisat-istoriyu-i-itogi-velikoj-otechestvennoj-voyny/@aif.md> (дата обращения 6.09.2018).

УДК 94(47).084.8+355.123:355.351(47)“1941/45”

В. Н. Мамяченков, доктор исторических наук, доцент
Уральский государственный экономический университет
E-mail: mamyachenkov@mail.ru

Повседневная жизнь военнослужащих сухопутных войск Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (по материалам исследований А. Драбкина)

В статье проведен краткий анализ воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны, собранных и опубликованных А. Драбкиным. Констатируется, что до сравнительно недавнего времени читатель не имел возможности ознакомиться с воспоминаниями рядовых участников этой войны. Декларируется, что далеко не каждый участник событий способен рассказать об этом в приемлемой литературной форме. Утверждается, что каждое в отдельности взятое интервью является субъективным документом, но, взятые в совокупности, они дают достаточно объективную панораму Великой Отечественной войны. Делается вывод, что любая война — это прежде всего невероятно тяжелая повседневная работа, а также ужас смерти, гибель товарищей, неустроенный быт, а порой и некомпетентность и несправедливость начальников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сухопутные войска, ветераны, воспоминания, интервью.

Великой Отечественной войне посвящены многие тысячи книг. Но до сравнительно недавнего времени читатель не имел возможности ознакомиться с воспоминаниями ее рядовых участников — в СССР привилегией писать мемуары обладали в основном высшие военные и гражданские чиновники. Однако с началом 1990-х годов ситуация стала меняться, а в историографии появился новый термин — «окопная правда». Наконец-то историки и обычные читатели

смогли увидеть великую войну глазами «маленького человека». Из таких мемуаров, опубликованных уже в нашем веке, мы бы выделили воспоминания двух ветеранов — П. А. Михина и Н. Н. Никулина, написанные с поразительной и непривычной еще для многих из нас откровенностью [9—10].

Но, конечно, далеко не каждый участник исторических событий способен рассказать об этом в приемлемой литературной форме (вспомним, что практически все «генеральско-маршальские» мемуары в нашей стране, строго говоря, были написаны не их формальными авторами). Да в этом теперь и нет нужды — на помощь участникам событий пришел жанр интервью. В этой связи большой интерес представляют собой работы Артема Драбкина, собравшего и опубликовавшего огромный пласт воспоминаний рядовых участников той великой войны в книжном формате, а кроме того — и в электронном в рамках им же инициированного проекта [1].

Военная тематика многогранна и крайне привлекательна для историка. Поэтому и автор данной статьи не впервые обращается к теме Великой Отечественной войны [7—8]. На этот раз мы выбрали некоторые из интервью, взятых А. Драбкиным у бывших солдат, сержантов и офицеров сухопутных войск Красной Армии, в которых они рассказывали о повседневности их фронтовой жизни [2—6]. Ведь война — это не только (и не столько) великие битвы и победы. Это, прежде всего —

...Тяжкий труд

Да, война — это тяжелая, невероятно тяжелая повседневная работа. Об этом, кстати, ветераны вспоминают почему-то нечасто. Вот только три фрагмента таких воспоминаний:

— «Конечно, труд. Во-первых, при смене огневой позиции машину приходилось оставлять далеко от передовой, чтобы немец не обстрелял и потерь не было. Это значит, пушку весом больше тонны расчет ночью должен на лямках дотащить до будущей огневой (позиции. — В. М.). А потом на горбу еще и ящики со снарядами, каждый весом по 75 килограммов! Три человека копают окопы для пушки и расчета, трое эти ящики таскают, водитель с помощником в машине» [3, с. 91];

— «...В течение всей ночи мы, попарно сменяя друг друга, двумя лопатами рыли окоп, выбросив до 30 кубических метров грунта» [4, с. 127];

— «Переходы по 80 километров за двое суток <...> Спали на ходу. Да еще по четыре 82-мм мины на шею подвешат <...> Идешь, все тело от пота и вшей зудит, желудок от голода к спине прилипает. Так и дошли до Победы» [2, с. 51].

К приведенным выше строкам трудно что-либо добавить. Но если бы только труд! Война — это еще и —

...Ужас смерти и гибель товарищей

Человек — существо биологическое, он инстинктивно стремится избежать гибели. Идти ей навстречу для него противоестественно. Но война требовала именно этого... Вот как об этом пишут фронтовики:

— «Чего на фронте опасались больше всего? Смерти опасались. Там смерть витала ежедневно, ежечасно. Можно было спокойно сидеть, чай пить, и на тебя сваливался шальной снаряд. Привыкнуть к этому было совершенно невозможно» [5, с. 103];

— «Смерть всегда была рядом с нами. Сколько раз я был на волоске от гибели, сам того не замечая... Страх смерти мне удавалось побороть, но был уверен, что живым я из боев не уйду» [3, с. 182];

— «Сколько раз я видел, как гибли люди, и столько раз сам мог погибнуть... Смерть была нашей постоянной спутницей и потрясения у нас не вызывала...» [2, с. 90];

— «Как с ума сходят, я видел... Как головы от ужаса седеют в одно мгновение — тоже видел...» [3, с. 289];

— «В марте 1945 года под Балатоном <...> Немцы окружили наших раненых в какой-то ложбинке, метрах в ста от нас. Пробриться к ним на выручку мы не могли. Раненые долго кричали нам: “Добейте, братцы!”... Этот крик преследует меня всю мою жизнь...» [3, с. 187].

При этом нередко гибель людей на войне носила массовый характер, хотя и укладывалась всего-навсего в один равнодушный казенно-бюрократический термин —

...Потери

— «За полтора года моей службы в дивизионе в строю осталось не больше 25% первоначального состава, но это включая штабных (среди которых потери всегда были минимальными. — *В. М.*). Из моих солдат, из декабрьского состава 1943 года, выжили и довоевали на батарее только четверо. Из семи командиров взводов, воевавших в дивизионе в начале 1944-го, выжил я один» [3, с. 180];

— «Из шестидесяти двух выпускников училища, пришедших вместе со мной в корпус, после четырех дней наступления осталось только семь. А к осени 1944 года нас оставалось только двое» [4, с. 124];

— «...В роте из-за постоянных потерь никогда не было больше 40 человек. Да и жизнь ротного на фронте очень короткая. Мне еще сильно повезло, что ротой командовал несколько месяцев» [2, с. 26];

— «Курская битва недели две как закончилась, и, пока эшелон стоял, нас рассредоточили и заставили трупы зарывать. Танкистов из танков вынимали — и немецких, и наших. Трупный запах! Потом привыкли, а поначалу рвало всех <...> Хоронили в братских могилах <...> От танкистов так только обуглившееся чучело оставалось <...> Немцев и своих вместе зарывали» [3, с. 194];

— «На возвышенности на правом берегу Миуса немцы построили полноценную линию обороны. В тех боях “местного значения” у нас полдивизии полегло. Погибли почти все командиры взводов, рот, батальонов и даже командир нашего полка подполковник Гришин» [2, с. 66];

— «...Самое страшное воспоминание 43-го года — это переправа через Днепр <...> Вода в реке кипела в буквальном смысле от падавших в нее снарядов и мин. С правого, высокого берега был открыт такой ураганный огонь, что никому не посчастливилось в ту ночь переправиться через Днепр. Только десятки разбитых лодок и плотов с убитыми гребцами... Сколько там людей погибло и потонуло! <...> Нечеловеческий вой тонущих солдат стоял над рекой... А на берегу немецкий огонь уничтожал все живое, весь берег был завален трупами наших солдат. Страшно даже сейчас вспоминать об этом» [3, с. 279];

«Пару раз (всей штрафной ротой. — *В. М.*) ходили в разведку боем, а это значит, что назад возвращалась только половина людей... А ведь по численности штрафная рота была вдвое больше обычной, во взводах было по 60—80 человек...» [2, с. 70—71].

Но ко всем кошмарам войны добавлялся еще один —

...Неустроенный быт

Не зря известная поговорка гласит: «Война войной, а обед — по расписанию». Но это в поговорке, а в реальности было вот так:

— «Как кормили? Хорошо, но только к нам пища очень редко на передовую поступала. То мы оторвемся, то лежим под огнем, и пробраться к нам невозможно. Пока бойцы с кухни с термосом доползут, пока мы выйдем из атаки <...> Где-то какая-то передышка. И в этот момент, может, в день один раз, а то и ни одного <...> А так сухой паек — сухари, сахар. И вдруг приползает: “Бойцы, на обед”. В термосе горох с мясом — ложку не воткнешь — замерзло. Что, будешь костер разводить, разогревать? Едим холодный. На Северо-Западном фронте три сухаря и пять кусочков сахара в день — все! Саперной лопатой павших лошадей рубили» [3, с. 307];

— «Хуже всего кормили под Москвой, на Дону и за Херсоном, когда в наступлении мы оторвались от тылов. Тут уж кто что доставал, то и лопал» [2, с. 101];

— «Кормить кормили, хотя и не без проблем» [2, с. 163].

Как бы это банально ни звучало, большие трудности у фронтовиков были с туалетом:

— «Какая там туалетная бумага, если вообще бумаги не было? Не на чем было писать, писали на газетах!» [3, с. 94].

Впрочем, стоит заметить, что туалетная бумага в общественных туалетах страны появилась лишь спустя много лет после окончания Великой Отечественной войны, а ее отсутствия население просто не замечало.

Не лучше обстояло дело и с личной гигиеной. Почти все фронтовики отмечают наличие у «окопников» педикулеза (завшивленности) и явную нерегулярность банно-прачечного обслуживания:

— «...Иной раз целый месяц не моешься» [5, с. 63];

— «В боях под Москвой мы не мылись полтора месяца. Только в середине января нас отвели, поставили какую-то палатку. Старшина лично раздал (каждому. — *В. М.*) литр горячей воды и два литра холодной. Ну, это только лицо помыть. Правда, белье сменили <...> Вшей было столько, что можно было экспортировать. Всю Европу бы завалили» [2, с. 311—312];

— «...Смотрим, немцы в белье выскакивают <...> Культурно жили! Мы-то спали во всем. Сапоги кто снимал, а кто и нет <...> Вши едят — мешают» [3, с. 209];

— «Нижнее белье нам меняли, но вообще когда как» [2, с. 102];

— «...И вот приехала баня, там и машины специальные, и вошебойки. Мы-то с вшами только так боролись — придет большая машина, снимаешь гимнастерку, обматываешь трубу, вшей жжешь выхлопными газами. Так в этой бане помоешься — тут вымыл, а тут уже застыло» [6, с. 179].

При этом вопиющая порой бытовая неустроенность вызывалась не только общей обстановкой войны, но и равнодушием начальства к нуждам подчиненных. Особенно разительно это выглядело в сравнении с противником. Так, один из фронтовиков сравнивал быт советских и немецких солдат следующим образом:

— «...Даже сравнения никакого нет. У немцев землянки были оборудованы как квартиры. На Днепре в одной захваченной нами землянке даже ковры на стенах висели... Для отопления у них были специальные печки, аккумуляторы для лампочек, а у нас сплюснутая снарядная гильза и какая-то печурка в лучшем случае» [2, с. 104].

После сказанного неудивительно, что проблема полноценного сна просто игнорировалась:

— «В наступлении спали в танках <...> Я помню, в Корсунь-Шевченковской операции по несколько суток приходилось оставаться в машине без сна» [6, с. 271].

Ко всему вышесказанному добавлялись еще два фактора, относящиеся уже к командному составу. Это —

...Некомпетентность и несправедливость

Наверное, ничто так не ранило солдатское сердце, как несправедливое отношение командиров. В самом нелепем виде это проявлялось в стремлении решать боевые задачи за счет «человеческого материала»:

— «Нравственный уровень многих старших командиров был низким. Доброты, гуманности или бескорыстия у них искать было бесполезно. Вот такие малокомпетентные в военном деле начальники ради орденов и карьеры кидали своих подчиненных в самую пасть смерти. Бессмысленно, бездушно, ни за что» [3, с. 181];

— «За три атаки роту танков положили. Когда этот командир попытался погнать бригаду в четвертую атаку, один комбат достал пистолет и сказал: «Еще раз в атаку пошлешь — расстреляю. Мне все равно — сейчас сгореть или в штрафную» [3, с. 245];

— «...Классический пехотный десант на танках — это чисто красноармейское изобретение. Пехоту немецкую на броне во время атаки я крайне редко видел. Это почти стопроцентная гибель <...> А немцы берегли и людей, и технику, это факт, и ничего тут не поделать. Это только у нас “кровь людская — водица”» [3, с. 294].

А между тем в тылу пребывало людей, наверное, не меньше, чем на передовой:

— «В армейском тылу <...> поразило огромное количество офицеров всех рангов, сновавших мимо с папками и без. Неужели для них всех есть здесь работа? Чем ближе к передовой, тем меньше народа. Сначала тыловые, хозяйственные и специальные подразделения, медсанбаты, артиллерия покрупнее, а потом помельче, ближе к переднему краю — охватывает сиротливое чувство, куда все подевались?» [2, с. 31].

Но вот когда доходило дело до наград, то последние большей частью доставались не «окопникам»:

— «...Когда в штаб полка поступила реляция о представлении меня к ордену Красного Знамени, начальник штаба майор Быков переписал наградной лист и вместо моей фамилии вставил свою <...> На войне часто так бывало: рисковали жизнью одни, а ордена получали другие. Но искать справедливость в армии — себе дорожке обойдется» [3, с. 285].

— «Награждать начали щедро только с 1944 года. В принципе никакой справедливости в этом отношении не было никогда. Я видел солдата после шести (!) ранений с одинокой медалью на груди. В штаб приезжаешь — там “иконостасы” на кителях» [2, с. 49—50].

— «...И вот когда мне пришлось побывать в штабе дивизии, то мне открылась и другая сторона военной жизни. Я так удивился тому, сколько там было награжденных людей. Даже девчонки — связистки, машинистки — и те были награждены. И вот тогда я подумал, что как же мало мы представляем к наградам своих солдат...» [2, с. 177].

Конечно, не ради наград воевали советские солдаты и офицеры. Именно об этом они много лет спустя так говорили своим интервьюерам:

— «...Лучше бы той войны не было, чем иметь все эти награды. Конечно, я ими горжусь, но очень дорогой ценой они достались» [5, с. 103].

Подводя итоги нашего небольшого исследования, необходимо отметить, что авторы воспоминаний, конечно, были обычными людьми с их достоинствами и недостатками (увы, абсолютного большинства из них уже нет среди нас), а поэтому и их интервью каждое в отдельности является субъективным документом. Но, взятые в совокупности, они дают достаточно объективную панораму этого величайшего и трагического события в истории нашей страны — Великой Отечественной войны.

В заключение хотелось бы привести пронзительные, проникающие в душу слова из упомянутых мемуаров Н. Н. Никулина: «Война — самое грязное и отвратительное явление человеческой деятельности, поднимающее все низменное из глубины нашего подсознания. На войне за убийство человека мы получаем награду, а не наказание. Мы можем и должны безнаказанно разрушать ценности, создаваемые человечеством столетиями, жечь, резать, взрывать. Война превращает человека в злобное животное и убивает, убивает...» [10, с. 240].

От себя добавим, что, конечно, война бывает разная, в том числе бывает и война Отечественная. Но в любом случае, как мы показали это выше, война — это прежде всего невероятно тяжелая повседневная работа, а также ужас смерти, гибель товарищей, неустроенный быт, а порой и некомпетентность и несправедливость начальников.

Список использованных источников и литературы

1. Я помню // Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <https://igemember.ru>.
2. Драбкин А. В. На войне как на войне. «Я помню». М. : Эксмо : Яуза, 2013. 672 с.
3. Драбкин А. В. Я дрался с Панцерваффе. «Двойной оклад — тройная смерть!». «Я помню». М. : Эксмо : Яуза, 2007. 352 с.
4. Драбкин А. В. Я дрался на Т-34. М. : Эксмо : Яуза, 2005. 352 с.
5. Драбкин А. В. Я дрался на Т-34. Книга вторая. М. : Эксмо : Яуза, 2008. 288 с.
6. Драбкин А. В. Я дрался на танке. Продолжение бестселлера «Я дрался на Т-34». М. : Эксмо : Яуза, 2011. 352 с.
7. Мамяченков В. Н. Медаль за бой... (слово об ушедших ветеранах Великой Отечественной войны и их наградах) // Маршал Победы в военной истории России: Десятые уральские военно-исторические чтения, посвящ. 120-летию великого полководца, Маршала Советского Союза Г. К. Жукова : сб. науч. ст. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2016. С. 99—102.
8. Мамяченков В. Н. Особенности личностного восприятия Великой Отечественной войны в памяти ее участников или воспоминания ветеранов: верить — не верить? // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Девятые уральские военно-исторические чтения : сб. науч. ст. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2015. Ч. 2. С. 363—367.
9. Михин П. А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» Мы умирали, чтобы победить. М. : Эксмо : Яуза, 2006. 576 с.
10. Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. 2-е изд. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. 244 с.